

ЛИЗА СИБИРЕНКО

КОГДА ПРОСЫПАЕТСЯ ОШ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лиза Сибиренко

Когда просыпается Ош

«Автор»

2026

Сибиренко Л.

Когда просыпается Ош / Л. Сибиренко — «Автор», 2026

Добро пожаловать в Кудымкар — город, где ожили коми-пермяцкие мифы. Одиннадцатиклассница Элла переезжает с семьёй к своей бабушке-знахарке, в теле которой живет дух Икотка. Вскоре Элла узнает, что она и сестра Кира видят призраков. В это же время в Кудымкаре начинают пропадать девушки. В День города на Эллу нападает незнакомец, и лишь внезапное появление медведя из леса спасает ей жизнь. Когда Элла приходит домой, то узнаёт, что её старшая сестра исчезла. Горожане беспокоятся и рассказывают о пробудившемся древнем проклятии — медведе Оше. Теперь Элле нужно не только найти сестру, но и понять, кто же на самом деле похищает девушек? На помощь ей придёт одноклассник Леонид, который слишком много знает о маньяках и оборотнях...

© Сибиренко Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Икотка	6
Глава 2. Они ближе, чем мы думаем	10
Глава 3. Семик	14
Глава 4. День города	16
Г	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лиза Сибиренко

Когда просыпается Ош

Пролог

Я бежала в крошечной тьме, путаясь в мрачных зарослях. Еловые ветки били по лицу, впиваясь в кожу, как рой диких пчёл. Мои усталые ноги, стёртые до крови, не слушались. *«Пожалуйста, ещё чуть-чуть. Мне бы только затаиться и, может быть, он не найдёт»*. Но его раскатистый смех доносился в нескольких сотнях метров. Он догонял. Чувствовал. Знал, что у меня больше нет сил. Я слышала его голос. Ощущала запах потного тела, словно он был совсем рядом. Возле меня.

Я бежала. Ведь это была моя единственная надежда на спасение. Отцовский охотничий нож, висевший на бедре, больно впивался через штаны. Иногда я проверяла, на месте ли он. Не хотела его потерять. Ощущая себя загнанной ланью, я прыгнула в ближайший овраг. Боль пронзила ногу, будто тысячи молотков. *«Куль тебя подери! Только этого мне не хватало»*. Я легла на землю, покрытую пушистым белым лишайником. Ягель. Он пах болотом и грибами. Цепляясь за мох, поползла. Я надеялась, что он не услышит меня.

— Элла! Эллочка! — злорадно простонал он, смакуя каждую букву моего имени. Я содрогнулась. — Твоё сердце бьётся слишком громко. Ты не сможешь сбежать!

«Не дождёшься!», — сквозь зубы прошептала я и продолжила медленную борьбу за жизнь. Я попыталась встать. Боль в ноге всё ещё не стихала. Похоже на вывих. Опираясь на ствол дерева, я поднялась. *«Как же больно!»*. Сделала шаг и еле сдержала крик, прикусив нижнюю губу. Впереди отражался лунный свет между соснами, и я захромала в ту сторону.

Треск веток и шуршание листвы под ногами. Не моими. Я слышала, как он приближается. *«Ещё один рывок. Я должна попытаться»*. Превозмогая жгучую боль, я побежала, но это было жалкое зрелище, словно раненый заяц пытается удрать от голодного серого волка.

— Элла, останься! Я буду ласков!

Его голос прозвучал совсем рядом за моей спиной. Я почувствовала, как кожа покрывается мурашками. Наверное, другие девушки ощущали то же самое перед смертью. Я ковыляла из последних сил. Впереди виднелось озеро, освещённое лунным светом. Я надеялась, что сам Вакуль восстанет из воды и спасёт меня. Но он не выходил.

— Вот ты где?!

Преследователь схватил меня за волосы и притянул к себе. Я вскрикнула, но всё ещё надеясь на побег, поцарапала его лицо свободной рукой.

— Пошёл ты! — процедила я и пнула его в пах.

Он скрючился от боли, а у меня появилось несколько мгновений, чтобы вновь сбежать. Я выскочила к ночному озеру, но поняла, что нигде не смогу спрятаться, кроме его тёмных вод. Охваченная паникой, я кинулась вдоль берега.

— Элла! — услышала я до боли знакомый голос и обернулась.

Из-под воды выглядывала она... в полупрозрачном мокром платье, слегка прикрывающем грудь. Она звала меня к себе в озеро. Её глаза блестели от лунного света, а сырые волосы прилипли к щекам. Я обомлела, забыв, что за мной гнался преследователь. Ведь в озере стояла она... моя сестра, исчезнувшая десять месяцев назад.

Глава 1. Икотка

Всё началось, когда я впервые увидела призраков. Это случилось ранним июньским утром на седьмой четверг после Пасхи. Семик. День, когда коми-пермяки поминают усопших. И как говорила моя бабушка: *«Это непростой день. Сегодня души умерших спускаются из Верхнего мира и могут пообщаться с живыми»*. Я в это никогда не верила. Пока сама не увидела.

Мы с родителями и старшей сестрой Кирой переехали к бабушке накануне Пасхи. В загадочный городок Кудымкар, окутанный коми-пермяцкими мифами и хмурыми тучами по обоим берегам Иньвы. В сравнении с Пермью он казался посёлком городского типа, где все жители, если уж и не знакомы, то точно знают друг друга в лицо. Но можем ли мы доверять каждому прохожему в этом незнакомом месте?

Семь недель за суетой и разбором вещей пролетели незаметно. Я помогала маме готовить обеды, когда приходила после школы. А Кира с папой ремонтировали помещение для нашей семейной экспресс-кофейни с кофе навынос. Всё шло своим чередом. Как мне казалось.

— Эллочка, помоги мне с тестом для пирогов. Оставим его на ночь, а с утра состряпаем психикунчиков да пирогов с рыбой, — попросила меня о помощи бабушка вечером перед днём поминовения. Она насыпала муку в большую эмалированную кастрюлю, наполненную молоком и яйцами, и замешивала тесто деревянной ложкой.

— Ладно, — согласилась я. — А что мне нужно делать?

— Тесто надо хорошенько отбить. У меня уже сил не хватает. Сейчас замешу его и покажу тебе.

Я подошла к бабушке, стоящей в углу кухни. Её седые волосы были убраны под косынку с нешироким цветочным орнаментом, и лишь несколько кудрявых прядей выбивались у лба. Она продолжала замешивать тесто, тихо бормоча причудливые заговоры на коми-пермяцком языке, которого я не знала. «Нянь кётны, нянь кётны»: только и слышала я.

— Ну-ка, достань наш нянь, — сказала бабушка, вытирая испачканные мукой руки о передник.

— Нянь — это тесто? — спросила я, доставая его из кастрюли и перекладывая на стол.

— Почти угадала. Это хлеб.

Я улыбнулась. Бабушка мяла тесто, вбивая его в столешницу с такой силой, словно она отжимала сырое бельё.

— Вот, теперь ты пробуй! Тесто не должно прилипать к рукам.

Я стала повторять за бабушкой, но поняла, что мне до неё ещё расти и расти. Она цокала языком и мотала головой, но не ругалась.

— Ну, Элла! Хорошо, что вы ко мне переехали, теперь то я вас с Кирой всему научу, а то мать ничему не научила!

— Я всё слышу! — недовольно прокричала мама из большой комнаты, где в это время мыла пол.

— Вот и слушай! Девке уж семнадцать лет, скоро замуж выдавать!

— Ну, баба! — недовольно протянула я.

— Ладно, ладно... Ты вон какой шёвктугёй выросла, что глаз не оторвать! Парни-то, небось, все пороги обивали?

Я засмущалась, но продолжила мять тесто, не обращая внимания на маленькую семейную перепалку.

— Никто за ней не бегал! — появилась мама в кухне с сырой тряпкой в руках. — Элла об учёбе думает, вышку хочет получать, не то что Кира!

— А что Кира? — нахмутив брови, спросила я.

— Да ничего! Колледж бросила, высшее ей не надо, — возмутилась мама, вытирая пол на кухне рядом со мной и бабушкой. Она поднимала цветные самотканые половики и мыла под ними. — Видите ли, на бариста какую-то выучилась, а теперь ей кофейни открывай... ну, ну, а сама только о парнях думает!

— Не на твои же деньги открывает, а на отцовские, — отозвалась бабушка, защищая старшую внучку. — Да и себя вспомни! Эх, молодёжь...

— Баба Дуся, но деньги-то общие, наши с мужем.

Бабушка только отмахнулась от мамы, как от назойливой мухи, и отошла от меня к раковине, где размораживалась горбуша. Наша бабушка, Евдокия Феофановна, умела иронично и остро уколоть словом. Мы с Кирой даже немного побаивались её, когда были маленькими и оставались на летние каникулы в Кудымкаре. Баба Дуся, как называли её все остальные, после сорока лет обрела знахарский дар. Да не обычный, а с «говорящим соседом», как она сама выражалась. Таких женщин называли икотницами, а сущностей, которые жили внутри – икотками. Они могли предсказывать будущее через хозяина, и бабушка в такие моменты разговаривала чужим голосом, похожим на мужской, исходящий глубоко из грудины.

— Ба, вроде тесто уже готово? Больше не прилипает, — сказала я, тыча его пальцами.

— Дай проверю.

Бабушка, сполоснув руки в воде и вытерев о полотенце, висящее над раковиной, подошла к столу. Она несколько раз потрогала тесто ладонью и, поняв, что оно не липкое, похвалила меня.

— Тетчёд, внушка! Умница!

Я кивнула. Что мне больше всего нравилось в бабушке, так это то, что она умела хвалить. А вот мама на добрые слова всегда была скупая. Я взглянула на неё и заметила, как она закатила глаза, когда отжимала половую тряпку.

— Хоть чьи-то труды замечают в этой семье, — заметила мама, намекая на себя.

— Дугды няргыны! — прокричала бабушка мужским голосом. Я вздрогнула с непривычки, когда услышала, как говорит икотка. Мама, поджав губы в тонкую линию, взяла ведро и вышла в сени.

Бабушка прикрыла рот ладонью и хлопала несколько раз по губам, будто заставляя икотку молчать. Я, испугавшись, что и мне перепадёт, скорее убрала мягкое тесто в кастрюлю, прикрыв ситцевым полотенцем, и поставила её на пол под большим деревянным окном. Выглянув на улицу, я заметила взволнованную женщину средних лет, разговаривающую с папой. Она активно жестикулировала, пытаясь ему что-то объяснить. На секунду мне даже показалось, что она плачет, а отец, понимающе кивая, пригласил её в тамбур дома.

Тётка резко открыла дверь. Робко осмотревшись, она окликнула бабушку, разделяющую горбушу.

— Баба Дуся, здравствуйте! — дрожащим голосом произнесла женщина. — Я знаю, что сегодня вы не принимаете. Лёшка предупредил меня, но у меня ЧП... помогите!

— Чего это? — обернулась бабушка и подбоченилась. — Снова что ль мужик твой пить стал? Недавно же лечила!

— Нет, баба Дуся. Хуже! Маруська пропала! Второй день уже найти не можем!

Женщина разрыдалась прямо в проходе, закрывая руками опухшее от слёз лицо.

— Ну, ну, милочка, не плачь! — бабушка выдвинула деревянную табуретку из-под обеденного стола и предложила незнакомке сесть.

Женщина засемила по избе, стуча маленькими каблуками летних сандалий по полу, местами не прикрытым самодельными половиками. Она села на табуретку, подобрав подол сарафана в руки, и жалостливо взглянула на бабушку. На то, что я стояла рядом у окна и наблюдала за ней, женщина даже не обращала внимания.

— Рассказывай давай! — сказала бабушка, порхая ладонями над головой тётки.

— Так, а что... Маруська вчера вечером вышла гулять, — всхлипывая и вытирая нос, заговорила женщина. — Часов шесть было. Ушла к подружке, которая живёт на соседней улице. В десять должна была домой прийти, но не пришла! Мы все трубки оборвали, устали ей звонить! Добежали до Наташки, подружки её, а та сказала, что не было у неё Маруськи. Вот где её искать? А, баб Дусь?

— Ой, не вижу её пока, Валька! — осторожно проговорила бабушка.

— Померла, что ли? — завопила женщина. Она сползла с табуретки, встав на колени и схватив бабушку за руки, стала умолять о помощи. — Дусь, помоги! Спроси у икотки своего, где моя дочка?

— Сядь, успокойся! — строго приказала бабушка. — Элла, налей госте мятного чаю.

Понимая серьёзность ситуации, я молниеносно подскочила к кухонному гарнитуру, расположенному слева от русской каменной печи, расписанной мной и Кирой кругами, символизирующими солнце и свет. Налив в пустую чашку заваренного мятного чая, который бабушка сделала днём, я протянула кружку заплаканной женщине.

— Спасибо! — еле слышно прошептала она. Валентина взяла чашку, отхлебнула чай и мгновенно успокоилась, словно заговорённая.

— Вот теперь ты можешь спрашивать икоту, — спокойно сказала бабушка, садясь на другую табуретку напротив женщины.

— Где Маруся?

Баба Дуся прожигала взглядом Валентину и смотрела исподлобья, как волк, готовый накинуться, чтобы растерзать на клочки. Голубые глаза почернели, а голова слегка затряслась. Громко втянув воздух с присвистом, бабушка заговорила... вернее, заговорил икотка тягучим утробным басом.

— Это ты виновата!

— Нет, нет, — прошептала Валентина. — Я ничего не делала.

— Ты ругала её? — прокричал икотка.

Женщина непонимающе мотала головой. Слезы снова покатались из глаз, и мне стало искренне её жаль.

— Нельзя ругаться перед уходом. Плохо это. Плохо, — простонал икотка. Бабушка, слегка задрав голову к потолку, закатила глаза. — Вижу. Он поймал её. Зло. Настоящее. Вижу, тащит в лес. Далеко у озера. Вижу, что она жива.

Бабушку сильно затрясло, и я испугалась, что у неё сердечный приступ.

— Ба, бабушка, — подбежала я к ней, трогая за плечо.

Она будто очнулась от транса и похлопала тонкие обветренные губы несколько раз ладонью. Тряска прекратилась.

— Маруся жива! Как хорошо! А где же это озеро искать? — сокрушалась Валентина, качая головой.

— Не знаю, Валька — задумалась бабушка. — Ты поди у Миколы спроси, участкового нашего. Он же часто на охоту ходит, наверное, знает всякие места в лесу. Скажи ему про чёрное озеро.

— Баб Дусь, спасибо тебе, моя хорошая! — Валентина взяла бабушку за руку и с благодарностью обняла. Затем она достала из сумочки несколько купюр и маленький шкалик с прозрачной жидкостью, протянув бабушке.

— Ну, ты же знаешь, я деньгами не беру. А беленькую оставь. Икотка её любит!

— Ой, прости, баба Дуся! Я бежала к тебе сломя голову. Возьми всё равно, к тебе внушки приехали, сын строится, пригодится вам в хозяйстве.

Валентина сложила купюры пополам и оставила на столе вместе с водкой. Поднявшись с табурета, она огляделась вокруг, словно была здесь впервые и заметила меня, стоящую у печки.

— Это младшая? — спросила она у бабушки.

— Да. Эллочка, помощница моя, — сказала бабушка, подмигнув мне.

— Красавица! А волосы какие длинные, как у Рапунцель! У бабы Дуси твоей тоже такая коса была!

— Ага, пока от старости не выпали, — отшутилась бабуля. — У меня и зубов уже мало.

— А ты что хотела всё время молодой быть? Мы стареем, они взрослеют...

Валентина, тяжело вздохнув, вытерла выступившую слезинку и прошла к двери. Мне стало жаль эту женщину.

— Пойду я, баба Дуся! Берегите внучек!

Бабушка кивнула и перекрестила Валентину. Женщина, едва заметно улыбнувшись и опустив глаза, вышла в тамбур, хлопнув дверью.

Глава 2. Они ближе, чем мы думаем

В то самое утро, когда наступил Семик, все мельтешили на кухне. Бабушка готовила рыбный пирог, тихонько нашёптывая старые заговоры на коми-пермяцком языке. Мама, уже переодетая в лёгкий летний сарафан, жарила на сковородке посикунчики с мясом. Кира, натянув наушники и качая головой в такт музыки, которую никто не слышал, варила кофе в медной турке. Папа спокойно сидел на пороге кухни, как всегда с сигаретой в зубах, и листал ленту новостей в смартфоне. А мне поручили сервировать стол. Что я и делала.

— В местном паблике уже вышла новость, что Маруська пропала, — громко сказал папа, оторвавшись от телефона.

— Бедная Валя, — промолвила мама. — Страшно представить, как она сейчас переживает.

— Пишут, что волонтеров ищут, в лес пойдут искать.

— Ты хочешь пойти? — всполошилась мама.

— Да вот думаю сходить, хоть как-то помочь. Всё-таки мы с Валькой в одном классе учились.

Мы с Кирой почти не общались с пропавшей девочкой. Маше, наверное, сейчас лет пятнадцать, она была на два года младше меня. А по меркам Кире, Маруся для неё совсем ребёнок. Сестра, слушающая музыку, находилась в своём мире и даже не знала, что обсуждали родители. Да и зачем ей это в двадцать один год? У неё началась взрослая жизнь, и всё, что её не касается, ей неинтересно. Кира даже не заметит, если вместе с Марусей пропала бы её младшая сестра. Что не скажешь обо мне... я бы искала Киру.

Застелив льняной скатертью стол и расставив тарелки и чашки, я села на стул. Бабушка нарезала рыбный пирог, источающий аромат сочной горбуши и свежееиспечённого теста. Я почувствовала, как текут слюнки.

— Ну-ка, давайте будем садиться, — обратилась ко всем бабушка, ставя огромную тарелку с пирогом на стол.

— Вот и посикунчики тоже готовы.

Мама поставила на стол глубокую тарелку, наполненную маленькими пирожками, выглядящими, как большие жареные пельмени.

— Наконец, а то я оголодал уже, — воскликнул папа, потушив сигарету в стеклянной пепельнице, и подошёл к маме. — Твои фирменные, Оксан?

Схватив горячий посикунчик, отец подул на него и откусил половину пирожка.

— Угу.

— Кира, ты идёшь? — я махнула сестре рукой. Она кинула на меня угрюмый взгляд и, ничего не ответив, села напротив с керамической чашкой кофе.

Кира обожала этот напиток. В Перми она встречалась с парнем, работающим бариста, и, наверное, глядя на него, она обучилась в школе на модную профессию. Тот молодой человек помог Кире пристроиться в кофейню, где продают кофе с собой. Роман сестры с тем парнем был бурный, но слишком быстро закончился, так и не успев перерасти во что-то большее. Кира, правда, не сильно страдала. Я всегда удивлялась её любвеобильности и лёгкости характера. В этом мы были с ней разные. Мама даже иногда шутила, что я так никогда не выйду замуж.

Все расселись вокруг стола, но бабушка попросила не занимать пустую лавку.

— Сюда усопшие сядут, а мы их помянем, — сказала она, разламывая рыбный пирог и оставив его у пустого места. — Сёй, пöль, чери нянь. Съешь, дед, рыбный пирог.

Я съежилась, почувствовав, как неприятный холодок пробежал по моей спине от макушки до пяток, оставшись томиться в ногах. Дверь скрипнула. То ли от сквозняка, то ли кот Васька вышел на улицу. Услышав, как скрипят половицы под чьими-то ногами, я посмотрела

рела в ту сторону и обомлела от ужаса... там стоял дедушка, умерший много лет назад. Бледный, полупрозрачный, с потухшими глазами, но в своём любимом брючном костюме. Ужас, охвативший меня, сдавил грудь так сильно, что я забыла, как правильно дышать. И всё же, вдохнув воздух, я почувствовала, как комната поплыла перед глазами. Бряк. Кажется, это был звук моего обмякшего тела, оглушительно упавшего на пол.

— Элла, Эллочка! — в нос ударил едкий запах нашатырного спирта. Это вернуло меня в сознание. Открыв глаза, я увидела склонившиеся лица родных. Папа осторожно поднял мою голову.

— Ну и чего ты так испугалась? — засмеялся дедушка. — Я вон даже приоделся.

Он сидел на той самой лавке, предназначенной для усопших, и уплетал кусок рыбного пирога. Крошки падали на пол, но, кажется, никто это кроме меня не видел, ведь настоящий пирог лежал на столе.

— Ты как, внучка? — забеспокоилась бабушка, наклонившись ко мне и пристально разглядывая.

Я, держась за папину руку, медленно подтянулась. Голова кружилась, и меня сильно тошнило. Потрогав затылок, я ойкнула.

— Вроде нормально.

— Выглядишь паршиво, — заключила Кира, ставя чашку с кофе на стол. Судя по тому, что она сидела на табурете, а не была рядом со мной, как все остальные, сестра даже не шелохнулась, когда я упала.

Я, не отрывая взгляда от лавки, где сидел седовласый полупрозрачный дедушка, не могла сказать ни слова.

— Что первый раз деда увидела? — неожиданно сказала Кира.

— Ты снова за своё? — воскликнула мама, оборачиваясь на сестру. — Эллочке плохо стало, а ты ерунду всякую говоришь!

— Кира, ты что, тоже его видишь? — спросила я, выпрямившись, но всё ещё держась за папину руку.

— Да что вы все заладили... кого вы там видите? Деда, что ли? — всполошилась бабушка.

— Ага, — хором подтвердили мы с Кирой.

Мама закатила глаза и присела на лавку, чуть не задев локоть дедушки. Медленно подняв руку, она приложила её ко лбу, проверяя температуру.

— Лёшка, это всё твоё воспитание! Уже третья сумасшедшая в этом доме — все в бабку пошли!

— Я бы попросил вас тут так не выражаться! — пригрозил дедушка маме, но она его не слышала.

— Ну так это дар ваш, — радостно заговорила бабушка, садясь на табурет. — Я вот могу людей лечить, будущее предсказывать вместе с икоткой, а вы, стало быть, призраков видите... как же это говорится... медиумы!

— Да какие они медиумы? — цокнула мама. — Вы опять экстрасенсов насмотрелись? Их лечить надо! Это же не нормально!

Папа осторожно посадил меня на стул и налил мятного чая.

— Выпей, — приказал он, протягивая чашку, а сам сел рядом.

Я не стала сопротивляться. Опустошив кружку, я почувствовала мгновенное облегчение и спокойствие. И дед, с причудливым прищуром разглядывающий меня, казался уже не таким страшным.

— Когда я служил в армии, — заговорил дедушка глухим неестественным голосом, будто шелестят листья клёна. — Мой сослуживец пошёл ночью через кладбище до своей сговоренки, да не дошёл. Скопытился по дороге со страху. Видно, встретил кого-то по ту сторону, да сердце не выдержало. Наутро нашли его с открытыми глазами, полными ужаса.

— Элла, дед тебе намекает, что ты ещё нормально держишься! — пошутила Кира, ударив меня кулаком в плечо. — Хотя я даже в обморок не упала, когда впервые его увидела.

— И давно это у тебя?

— С двенадцати лет, — с гордостью сказала Кира, высоко подняв подбородок.

— Всё, я больше не могу это слушать, — заявила мама, вставая из-за стола. Она окинула нас недовольным прожигающим взглядом и ушла в свою комнату, громко хлопнув дверью.

— Много чести! — прикрикнула бабушка ей вслед, доедая рыбный пирог. — Кушай, кушай, дорогой!

Баба Дуся подвинула тарелку с пирогами в сторону дедушки, но сама его не видела. Она с грустью вздохнула и посмотрела в его сторону. Буквально на мгновение, мне показалось, что их взгляды встретились. Дедушка, нежно улыбнувшись, положил свою ладонь на бабушкину. Она улыбнулась ему в ответ и вытерла выступившую слезинку.

— Ну ничего, Захар Иванович, скоро свидимся с тобой! — ласково пролепетала бабушка.

Отец, не обращающий внимания на свою мать, взглянул на наручные часы. Его голубые глаза округлились, а рот скривился в ехидной ухмылке.

— Так, так... нам уже пора выдвигаться на кладбище, — встревожился он, вскинув густые брови. — Элла, ты как? Поедешь с нами или останешься дома?

— Поеду, — недолго думая ответила я, хотя голова ещё болела после обморока.

— Ладно, — кивнул папа. — Пойду Оксане скажу.

Он вышел из-за стола и скрылся в комнате. Кира допивала кофе, причмокивая пухлыми губами. Её рыжие волосы свисали до плеч, чуть прикрывая маленькую татуировку с жар-птицей на шее. Раньше я никогда не задумывалась, зачем сестра набила её, но я всегда знала, что жар-птица олицетворяет удачу и счастье. Может быть, для Киры эта татуировка несла иной смысл. Я надеялась, что не тот, что убережет от призраков. Хотя я бы от такого знака не отказалась.

— Давай уберем со стола? — предложила Кира.

— Угу.

— Дочки, положите пирожки в пакетик, на кладбище возьмём, — обратилась к нам бабушка, медленно вставая со стула и опираясь руками о стол. — Я пока переоденусь.

Мы с Кирой порхали по кухне, как рабочие пчёлки. Мне даже показалось, что между нами появилась невидимая необъяснимая нить, связывающая нас раньше, но как будто обрывавшаяся в определенный момент... наверное, когда Кира стала взрослее, а я всё ещё была маленькой девочкой.

— И сигареток не забудьте, — прошептал дедушка, наклонившись через стол. — Там у нас с этим всё строго, так хоть здесь покурить!

— Дед, ну так вредно же, — возмутилась Кира.

— Знаю, знаю! Ваша бабушка всегда мне по рукам давала за эту вредную привычку, но я так и не отвык.

Он приложил палец к усатым губам, намекая на то, что это будет наш маленький секрет и подмигнул, оголяя полубеззубый рот в широкой улыбке. Сквозь седые волосы виднелась проплешина на макушке.

— Ну что, все готовы? — спросил папа, выглядывая из своей комнаты.

— Вроде да, — ответила я. — Бабушка только переодевается.

— Ладно, я пока машину прогрею.

Собрав все пироги по пакетам и спрятав сигарету для дедушки, мы с Кирой вышли на улицу. Несмотря на раннее утро, июньское солнце вовсю пригревало. Я положила пакеты в багажник папиной новенькой Весты, купленной на деньги с проданной квартиры в Перми. На них и другие сбережения от маленького папиного бизнеса — в продуктовых ларьках, родители собирались строить дом на бабушкином участке, а часть денег ушли на открытие экс-

пресс-кофейни. Кира даже обещала научить меня варить кофе, чтобы я могла подрабатывать там после школы.

Рассевшись по местам, мы ждали, когда выйдут мама и бабушка. Дедушку я нигде не видела и уже начала думать, что мне всё это приснилось. Но когда бабушка вышла из дома, легко обходя машину и садясь на переднее пассажирское сидение, а с ней рядом оказался дед, я поняла, что никуда мой странный дар не делся. Мама села за водительским сидением, а Кира между нами. Машина тронулась с места.

Глава 3. Семик

Кладбище, немногочисленное в обычные дни, сегодня было переполнено. Но не только живыми. Возле ухоженных могил и заросших холмиков стояли прозрачные призраки. Некоторые из них сидели на лавках, рассматривая свои портреты на каменных плитах. Другие ели прозрачные пироги и пили напитки, которые принесли родные. Посетители расстилали скалтерти прямо на курганах, раскладывая там выпечку и конфеты. Участки были огорожены декоративными заборчиками и имели деревянные лавки и столы, застелённые газетами для небольшого пиршества.

Я чувствовала, как шевелятся волосы на голове, и каждый раз, когда мы проходили мимо прозрачной полувидимки, я хватала локоть Киры. Она же шла по тропинкам, обходя могилы, с таким непринуждённым и спокойным видом, будто каждый день встречала призраков и на самом деле работала не баристой, а охотником за привидениями, как героиня из популярного голливудского фильма середины восьмидесятых. Эта мысль меня позабавила, и я нервно посмеялась, чем вызвала очередное раздражение мамы. Громко цокнув, она что-то недовольно пробурчала.

Собравшись внутри участка, где были похоронены дедушка и прабабушки, мы разложили на столе еду, принесённую с собой из машины.

— Ну, здравствуйте, — проскрипели прабабушки, выглядящие бодрыми и радостными.

— Здравствуйте, — кивнула я, боясь сказать что-нибудь лишнее.

Баба Дуся, не замечая никого вокруг, рассыпала рис по могилам и прошептала молитвы. Кира с родителями сели на лавку, а я стояла, оцепеневшая от страха. Наверное, надо было остаться дома, как и предлагал папа. И кто же меня дёрнул согласиться?

— Да ты бы тоже села, — предложил дедушка, нюхая рыбный пирог. — В ногах правды нет.

— Спасибо! Я постою!

— Может быть, тоже покажем Элли врачу? — прошептала мама, склонившись к папе. — Смотри, она уже сама с собой разговаривает! Кире вроде помогло лечение.

— Не надо её никому показывать, — возмутилась бабушка. — Она разговаривает с родными. Сегодня Семик, праздник для наших родственников. Они приходят в наш мир, чтобы пообщаться с живыми.

— А что потом? — поинтересовалась я, надеясь, что после праздника не буду никого видеть.

— Не знаю, — задумчиво протянула бабушка, потеряв переносицу. — Наверное, уходят обратно.

— Да мы как будто никуда и не уходим, — добавила прабабушка, нахмутив густые брови. — Будто мы всегда где-то здесь находимся, рядом с вами. Наш мир не отличается от вашего.

— Просто не все нас видят, — сказал дедушка, тяжело выдохнув.

Я сглотнула слюну, чтобы почувствовать себя здесь и сейчас. Голова кружилась, и я помассировала виски. Присмотревшись вперёд, я заметила на соседнем участке знакомого юношу с родителями и его прозрачную бабушку. Это был мой одноклассник. Леонид Кудымов, кажется. Мы с ним толком не успели познакомиться, я ведь недавно переехала в Кудымкар. В отце Леонида я узнала местного участкового Миколу, то есть Миколая. Они с папой были сильно похожи. Оба высокие, крепкого телосложения, с русыми волнистыми волосами и чёрными, как вороново крыло, глазами. Нашему семейству голубоглазых можно было бы позавидовать их необыкновенной глубине глаз. Смотришь в них, как в чёрную дыру, засасывающую тебя в бесконечную космическую бездну. Мы встретились взглядами с Кудымовым младшим, и я, засмущавшись, что так пристально разглядываю его, опустила взгляд на свои

летние сандалии, из которых выглядывали неровные пальцы, украшенные блестящим лаком для ногтей. *«Вот дура! Надеюсь, он не слышал, как я разговариваю... а то тоже подумает, что свихнулась».*

Больше я в ту сторону не смотрела. Мы спокойно сидели в своём тесном семейном кругу. Бабушка вспоминала, как она, когда была молодая, увела дедушку у подруги. Она, конечно, этим поступком не хвалилась. Оправдывала себя тем, что была не опытна, глупа, а сердце так мечтало о любви.

— А Захарушка и не против был, — рассказывала бабушка, погрузившись в воспоминания. — Прибежал ко мне. Полюбили друг друга, да так и не расставались с тех пор. Потом вот Лёшка родился. Правда, Захар недолго пожил. Хорошо хоть Лёшка тогда уже взрослым был. Видно, подружка прокляла. А на меня вот икотку наслала.

— Сама дура! — довольно отозвался икотка из бабушкиного рта.

— Приворожила, ведьма! — отозвался дедушка, положив руку на плечо бабушки. — Но я был не против, да

— Дед тебя любит, — улыбнулась я, обращаясь к бабе Дусе. — И обнимает тебя.

Бабушка кивнула. Умерших родственников я практически не знала и даже побаивалась их, но баба Дуся их любила, и о них помнил отец. Разложив остатки еды по могилам, мы засобирались.

— Не забудьте попрощаться и уходите, не оборачиваясь! — предупредила бабушка. Она перекрестилась и поклонилась у каждой могилы.

Мы повторили за ней и развернулись. Я изо всех сил сдерживала своё любопытство, чтобы не обернуться, но услышав странный треск веток за спиной, решила не испытывать нервную систему и догнала папу. Рядом с ним надёжней. И почему такой пугливой девчонке, как я, посчастливилось видеть призраков?

На выходе из кладбища мы встретили семью участкового. Он разговаривал с Валентиной, чья дочка недавно пропала. Поравнявшись с ними, папа остановился и пожал руку Миколу. Мама с Кирой последовали в машину, а мы с бабушкой остановились рядом с папой.

— Ну что, есть какие-то новости? — спросил папа, скрестив руки на груди. — Может, помощь нужна какая-то?

— Везде обыскали, как след простыл. Завтра выдвигаемся в лес, — заключил участковый. — Приходи, если сможешь. Только без дочек.

Отец кивнул.

— Ой, Валька, держись, — обняла бабушка Валентину. Женщина мужественно стояла, приняв объятия и не проронив ни слезинки, будто они все уже вышли.

Моё сердце сжалось. Я надеялась, что Маруську найдут живой. Просто она заблудилась. Я боялась даже представить, что в городе завёлся маньяк, а с Машей случилось что-то очень страшное. Она ведь совсем маленькая, наивная девочка. Может, загулялась с каким-нибудь парнем, вскружившим ей голову, или села на междугородний автобус, уехав в другой город. В Перми часто такое бывало. Однажды я перепутала номер транспорта и уехала не туда. Испугалась я тогда знатно, конечно, но это было мне большим уроком.

Посмотрев на Леонида, я заметила его взволнованность. Он украдкой разглядывал меня и махнул рукой, будто поздоровался. Я помахала в ответ и улыбнулась. Мне хотелось бы верить, что участковый Миколай найдёт Маруську, и больше никто не исчезнет, заставляя родных страдать и рвать на голове волосы от переживаний. Это же страшно. Вот так без следа пропасть.

Кто бы что ни говорил, но в такую ситуацию может попасть каждый из нас... даже сам Кудымов младший.

Глава 4. День города

— Элла, вставай! Мы опять проспали! — прокричала Кира, стягивая с меня одеяло.

— Ещё минуточку, — простонала я. — Кто вообще придумал открывать кофейню в семь утра? Все ещё спят! Никому не нужен твой кофе рано утром в День города!

— Давай, давай, — прорычала Кира. — Ты же сама хотела подработать.

Открыв глаза, я потянулась и медленно встала, надев пушистые тапочки в виде медведей. Кира всю собиралась, натягивая джинсы с высокой посадкой и надевая летний свитшот с капюшоном. Она убрала волосы в пучок, оставив несколько локонов вдоль лица. Я последовала примеру сестры и тоже надела джинсы и толстовку. Расчесав рыжие волосы, я заплела их в длинную косу, украсив ленточкой.

— Хватит красоваться перед зеркалом, — запричитала Кира. — Иди скорее умываться!

Громко цокнув, я вышла из нашей комнаты, хлопнув дверью. Бабушка жарила блины. На кухне витал аромат сливочного масла, коровьего молока и жареного теста. Почувствовав, как живот скрутило от голода, я поскорее умылась в ванной и прибежала на кухню, чтобы отведать фирменных бабушкиных блинчиков.

— Ммм какие они красивые! — промурчала я, потирая руки.

— Ешь давай, — улыбнулась бабушка. — А то уйдёте опять работать на целый день! А я буду переживать за вас. Кира, иди тоже ешь!

Окунув правой рукой блин в клубничное варенье и откусив половину, левой рукой я листала ленту новостей в соцсетях. Наткнувшись на новый пост об исчезновении очередной девушки, я обомлела.

«Внимание! Пропала девушка, Гойнова Арина Ивановна, 17 лет. Вышла из дома 10 июля в продуктовый магазин по улице Карла Маркса, но не вернулась. Была одета в летний сарафан красного цвета в горошек. Белые короткие волосы, родинка на правой щеке. Помогите найти!».

Прошло чуть больше месяца, как исчезла Маруся, но её так и не нашли. А два дня назад пропала вторая девушка! Ей, как и мне, семнадцать. *Неужели в городе орудует маньяк?* Я почувствовала, как по коже забегали мурашки. Крупные. Будто красные лесные муравьи. Меня передёрнуло. Жаль, что моя способность видеть призраков оказалась бесполезной, иначе я бы могла помочь в расследовании этого странного дела. Опросить парочку привидений, только и всего... я посмеялась над своей наивностью.

— Ты опять сама с собой разговариваешь? — удивилась Кира, запивая блин чаем. За скроллингом ленты я даже не заметила, как она подошла и села рядом.

— Нет! С чего ты взяла?

— Элла, я понимаю, что твоя особенность для тебя что-то новое, — осторожно заговорила сестра, подбирая слова и положив свою ладонь на мою. — Но давай договоримся кое о чём? Ты ведь умеешь отличать живых от полувидимых?

— Угу.

— Так вот если ты не хочешь загреметь в психушку, не разговаривай при живых с ними! Это выглядит странно!

Кира разглядывала меня так пристально, будто изучала инфузорию туфельку под микроскопом, и от её пронизательных пепельных глаз мне стало некомфортно. Но она, как всегда, была права. Я должна быть осторожной, тем более, когда работаю с людьми. Никогда не знаешь, кто скрывается за маской посетителя кофейни. Может быть, санитар психдиспансера, а, может быть, сам маньяк, орудующий в Кудымкаре. В День города я хотела быть предельно осторожной.

Доев последние блины, мы с Кирой выскочили из дома, сев в такси, которое сестра вызвала, пока мы завтракали. В машине никто из нас не обронил ни слова, будто всё уже давно было сказано. Хмурые тучи готовились вылить потоки дождя, оплакивая пропавших девушек. Природа совершенно не заботилась о горожанах, собирающихся отметить праздник. И я была солидарна с мрачной погодой.

Таксист быстро доехал до мини-кофейни, которую Кира назвала «Кофеёчку?». Застеклённый киоск, расписанный по мотивам местных легенд с геометрическими фигурами в виде ромбов, хвойных веток и мордочек медведей, стоял недалеко от памятника Кудым-Ошу — народному герою, богатырю и неофициальному основателю Кудымкара. Кофейный ларёк притаился на пересечении улиц, выглядывая на сына могучей колдуньи и медведя, словно это было центром притяжения не только для любителей кофе, но и для нас самих.

Открыв киоск позже обычного, мы начали рабочий день в восемь утра. Я расставляла эклеры в витрину-холодильник, а Кира включила кофемашину и прогревала её. Она настраивала помол зёрен и калибровала эспresso. (Прежде чем продавать разные виды кофе, бариста должен сделать тестовые проливы, чтобы убедиться в идеальности вкуса). Дождь на улице полил как из ведра. Двое старшеклассников и мужчина укрылись от ливня, забежав в «Кофеёчку?».

— Бур асыв! — поприветствовал мужчину средних лет, стряхивая капли с зонта. Он подошёл к витрине и стал рассматривать ассортимент пирожных и сэндвичей. — Ну и погода! Уже освоились с кофейней?

— Доброе утро! — улыбнулась Кира и подошла к рабочей стойке. — Потихоньку осваиваемся. За две недели ещё мало что успели, но вроде люди к нам ходят. Спасибо, что разукрасили нашу кофейню! Красиво получилось!

— Да пустяки! — махнул мужчина и выпрямился. — Я люблю наши традиции и рисую отлично. Мне было в удовольствие вам помочь. Можно мне американо?

— Конечно! Сахар, корицу или сироп добавить?

— Нет, ничего не надо.

Кира отошла к кофемашине и начала делать напиток. Мужчина с интересом разглядывал пространство вокруг, постукивая пальцами по барной стойке.

— Хорошо всё-таки получилось. И медведи и орнаменты. Самому нравится! — улыбнулся мужчина.

Сделав американо, Кира поставила его на стойку.

— Оплата наличными или картой? — спросила она.

— Картой, — протянул мужчина, доставая из портмоне кредитку.

Оплатив кофе, он отошёл к столику для посетителей и сделал глоток американо. Показав Кире большой палец вверх, он улыбнулся и продолжил пить напиток, отвернувшись в сторону улицы.

Расставляя молоко в бумажных коробках на полки за барной стойкой, я слышала разговор старшеклассников. Они активно жестикулировали и громко обсуждали недавнюю новость исчезновения Арины Гойновой. По разговору я поняла, что это была их одноклассница.

— Как думаешь, что могло с ней произойти? — спросил черноволосый юноша своего собеседника.

— Из дома сбежала, наверное. Она ведь так уже делала. Помнишь, в прошлом году? — ответил другой парень.

— Странно всё это... уже вторая девчонка за месяц исчезает без следа.

— Люди пропадают каждый день! Я ничего странного в этом не вижу, — пожал плечами блондин. — Нагуляется и вернётся.

— А она мне нравилась, — с грустью заметил чернявый парень, посмотрев в мою сторону. — Надеюсь, что ты прав, и она вернётся, а не найдётся голой в канаве.

Я отвела взгляд, чтобы молодые люди не подумали, что я их подслушивала. Мне стало не по себе. Грубое замечание парня о том, что девушку могут найти мёртвой, меня покорило. *«И почему он так выразился? Может быть, это он причастен ко всем исчезновениям?»*. Я присмотрелась к юноше. Высокий, но худощавый. Одет прилично, в чистой одежде и новых модных кроссовках. Вряд ли он мог быть маньяком, хотя... как раз с виду обычные люди оказывались преступниками. Выкинув все плохие мысли из головы, я продолжила работать.

До полудня посетителей было не очень много. Одни горожане сменяли других, и каждое лицо казалось мне знакомым. В каждом разговоре я слышала озабоченность новостями, а через несколько мгновений настроение людей менялось. Казалось бы, всем хотелось помочь пропавшим девушкам, но, выпив кофе, люди беззаботно уходили отмечать праздник. После обеда я почувствовала сильную усталость в ногах и села, но моё внимание привлекло красное платье в горошек за окном нашего киоска. Оно развевалось на ветру. Яркое. Полупрозрачное...

— Это призрак! — воскликнула я, забыв об осторожности.

— Элла, — посмотрела на меня Кира укоризненным взглядом. — Тише!

— Это та девушка... — прошептала я Кире. — Пропавшая.

— Элла, тебе кажется. Я никого не вижу.

Я посмотрела в ту сторону, но призрака уже нигде не было. *«Может, показалось?»*. Я потрогала лоб.

— Знаешь, Элла, — заговорила Кира, заполняя накладную на воду. — Иди отдохни. Сегодня день города. Посмотришь концерт, погуляешь с подружками. Я дальше сама.

— Ты точно справишься?

— Угу.

Собрав вещи в сумку, я выскочила из ларька, оглядываясь по сторонам. Но полувидимой девушки не было. Огорчившись, я побрела в сторону центральной площади недалеко от светлого здания драматического театра, украшенного массивными колоннами, как у Большого театра в Москве. Здесь проходили массовые гуляния. На сцене выступали ансамбли, поющие песни на коми-пермяцком языке, а в каркасных шатрах продавали сувениры и проводили мастер-классы по созданию кукол-оберегов.

Пару часов я смотрела выступления разных фолк-групп и бродила между торговыми рядами. Мне даже удалось попробовать грибной суп, который раздавали бесплатно в честь праздника. Я стояла на остановке общественного транспорта, когда вновь увидела пропавшую Арину. Она медленно махала мне рукой, стоя через дорогу, будто звала меня. *«Она что, умерла?»*. Оглянувшись по сторонам и не увидев нигде автомобилей, я перебежала дорогу. Но девушка будто испарилась. Она появилась в другой стороне, ехидно улыбаясь. Забыв об осторожности, я побежала за прозрачной блондинкой.

Плутая по улицам и едва не сбивая с ног прохожих, я пыталась догнать полувидимку. Мне хотелось узнать, что с ней случилось. Я думала, что она приведёт меня на место преступления, а я смогу помочь найти маньяка.

— Стой! — крикуна я вслед девчонке, задыхаясь от усталости.

Но она будто нарочно водила меня за нос. В какой-то момент я даже подумала, что меня ведут в цепкие лапы страшного монстра, заколдовавшего призрак на отлов наивных дурочек, какой была я. Добежав до частного сектора, мы свернули на лесополосу, которая вела к пруду. Я остановилась, чтобы отдышаться. Арины не было видно. Лишь слышно журчание воды и шелест листьев. Я осторожно пошла вдоль заросшего берега. Сердце колотилось в груди, готовое выпрыгнуть прямо мне в руки. Я сглотнула слюну, чтобы промочить пересохшее горло. По вискам катились капельки пота, щекочущие кожу. Я медленно шла по извилистой тропинке. Страх, одолевавший с головы до ног, с каждым шорохом накатывал всё сильнее. Трава зашуршала позади меня. Я обернулась и оцепенела.

Он стоял рядом, в длинном чёрном балахоне, скрывающем лицо под капюшоном. Лишь его хищный оскал было видно.

— Попалась! — усмехнулся он.

«Неужели это последние слова, которые я услышу?»: мелькнуло в моей голове.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.